

Татьяна
Веденская

Татьяна
Веденская

ФИФА, ИЛИ СЧАСТЬЯ ТЕБЕ, ДОРОГУША!

—
роман

Москва
2015

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
В 26

Издание осуществлено при содействии
литературного агента *Н.Я. Заблоцкиса*

Оформление серии *С. Груздева*

Веденская, Татьяна.

В 26 Фифа, или Счастья тебе, дорогуша! : роман / Татьяна Веденская. — Москва : Эксмо, 2015. — 320 с. — (Позитивная проза Татьяны Веденской).

ISBN 978-5-699-67103-8

Так бывает после развода: друзья, которые клялись тебе в любви, неожиданно принимают сторону бывшего супруга; муж из друга превращается во врага; желанные самостоятельность и независимость оборачиваются нуждой и неприкаянностью. Вот с таким анамнезом попадает в больницу несчастная Маргарита. Да только бывает и так, что одну болезнь излечивает другая. Но окончательному исцелению может помочь только желание... Желание любить и быть любимой.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-67103-8

© Саенко Т., 2014
© Оформление. 000 «Издательство
«Эксмо», 2015

*Отдельные названия глав
подсмотрены на майках отды-
хающих Краснодарского края.*

Часть первая

ВСЕ БАБЫ КАК БАБЫ, А Я КОРОЛЕВА

1

*«ВЫШЛА ИЗ СЕБЯ.
ВЕРНУСЬ ЧЕРЕЗ 5 МИНУТ»*

Людам свойственно ошибаться, и я, к сожалению, не была исключением из этого правила. Время от времени меня заносило... немного. Обычно я могла с легкостью, как дважды два, доказать, что я ни в чем не виновата. И даже больше, я с идеальной точностью пояснила бы, почему и где не прав ОН. И это не являлось бы натяжкой. Возможно, это была бы даже правда. Возможно, но только не на этот раз. И хотя в кафе, где я вот уже полчаса дожидалась чашки эспresso, меня позвал он, я все равно чувствовала себя неудобно. Он пригласил меня для разговора, но не просто для разговора, а для РАЗГОВОРА — большого выяснения наших

непростых отношений. И мне бы лучше репетировать примирительную речь, но вместо этого я только и думала о том, что кофе все не несли.

— Какого черта вы ни хрена не делаете? — показывала я всем своим видом. — Вы что, слишком заняты, чтобы заняться своими прямыми обязанностями?

— Мы вас не видим, мы слишком заняты, чтобы смотреть по сторонам, — демонстративно отворачивались они. Хотя аншлага в кафе не было. В другой день я бы наверняка что-то им сказала. Или вообще удалилась бы из кафе, предоставив Кешке искать и вызванивать меня по телефону. А на вопрос, почему это я уехала, не дождавшись его, я бы ответила, что сидеть в подобном месте выше моего терпения. Но сегодня я сидела молча. У меня так сильно от волнения пересохло во рту, что если бы мне пришлось что-то сказать сейчас, получился бы только петушиный крик, а не членораздельная речь. Хорошо, что он еще не пришел, подумала я. Не стоит ему знать, что я волнуюсь.

Я перекинула ногу на ногу, подперла подбородок кулачком и вздохнула. Признаю, в этот раз меня занесло несколько сильнее обычного. Может быть, поэтому я сегодня так нервничала? Все-таки быть виноватой совсем не так приятно, как громыхать в приступе праведного гнева. Второе у меня получается гораздо лучше первого. Виноватой я быть не умею и не люблю. Да и так ли уж я виновата в сложившейся ситуации, если вдуматься? В таких ситуациях, если еще разок вдумать-

ся, всегда виноваты двое. Это как минимум. А еще лучше, чтобы виноватым в итоге оказался он. Я гораздо лучше умею прощать, чем просить прощения. Мне это больше идет.

— Извините, пожалуйста, — ко мне подошел долговязый паренек-официант, забавно обмотанный фирменным длинным фартуком.

— Да, что? — Я вынырнула из своих мыслей и попыталась собраться в единое целое. Что-то плоха ты сегодня, милочка. Давай, давай, просыпайся.

— Извините, это вы заказывали латте?

— Нет, — помотала головой я. — Я заказывала двойной эспрессо и, если честно, совсем не понимаю, почему его нет на моем столе вот уже, — я демонстративно взглянула на дорогие часы на моем запястье, — вот уже полчаса.

— Извините, — еще сконфуженней пробормотал паренек. Я машинально отметила, что рука у меня немного дрожит.

— Я бы и рада вас извинить, но ведь вы и сейчас пришли без моего кофе. Почему?

— Кассир перепутал номера... номера столиков. Сейчас принесу. Секундочку.

— Хотелось бы верить, что наши с вами секундочки одного размера, — раздраженно ответила я и отвернулась. Мои любимые часы: стекло из цельного хрусталя, благородный темно-малиновый оттенок, по кругу россыпь бриллиантов — его подарок, разумеется. Он вы-

ложил за них в прошлом году чуть ли не всю прибыль от какой-то сделки. Широкие жесты — это весомый плюс в моем списке. Он всегда умел их делать, в меру своих возможностей, конечно. Другие мужчины, между прочим, и побогаче него, таких часов мне не дарили. Большинство представителей сильного пола всегда умело сопоставляло степень потенциального удовольствия от общения с величиной расходов. Так вот, мои любимые часы показали не только то, что кофе нет возмутительно долго, но и то, что Кешка опаздывает уже на десять минут. Не похоже на него.

Обычно опаздывала я, просто потому, что время для меня не имело никогда большого значения. Я не говорю сейчас о тех традиционных десятиминутных опозданиях, которые мы, женщины, практикуем испокон века. Мы были так долго женаты, что все эти игры давно отошли в небытие. Когда-то, когда мы еще только встречались, я вволю повеселилась, глядя, как он подпирает дурацкие часы на столбе около станции «Аэропорт» и держит в руках предназначенные мне цветы. Держит как веник — цветками вниз. А когда приподнимает рукав свитера, чтобы посмотреть на часы на руке, веник смешно подлетает вверх и замирает, как шлагбаум. Потом опять вниз. Почему-то он всегда смотрел на свои наручные часы, а не на те, что на столбе. Не доверял он столбам. А сегодня вот на часы смотрю я. И такое, дай бог памяти, чуть ли не впервые.

— Ваш двойной эспresso, — гордо произнес запыхавшийся официант.

— И на том спасибо, — кивнула я, обдавая его холодом. Сейчас мне так хотелось хоть кого-то порвать на куски. Мне было слишком не по себе, так что... прости, мальчик, ты просто попал не в то время не в то место. Где ж ЕГО все-таки черти носят!

— Что-нибудь еще?

— Принесите пепельницу. У вас тут ведь вроде можно курить?

— Да, можно. Странно, что пепельницы нет на столике, — огорчился мальчишка. Было видно, что он сильно старается, чтобы переменить мой гнев на мою милость. И, думается мне, тут дело не только в чаевых. Какие чаевые могут быть за чашку кофе? Есть я не собиралась, было уже около восьми вечера. Не то чтобы я соблюдаю диету, но иногда, время от времени, мне хочется начать наконец заботиться о себе. Как сегодня, к примеру.

— Пепельницы не летают, — усмехнулась я. — Если их нет, значит, их не поставили.

— Это вообще-то не мой столик, — разобиделся он. — Я только подменяю напарницу.

— Послушайте... — устало начала было я, но махнула рукой. — Просто принесите пепельницу и пачку Vogue. И все будет просто отлично.

— Да, конечно, — он поспешно отпрыгнул куда-то в сторону на своих длинных ногах и через мгновение вернулся, положив передо мной и пепельницу, и сигареты. Да, сразу видно, молодой еще. В моем возрасте уже не станешь вот так стараться из-за каких-то чаевых.

— Прекрасно, просто прекрасно, — улыбнулась я, на этот раз тепло. — Хотите, напишу о вас отзыв?

— Отзыв? — нахмурился он. Видно, хорошего от меня он уже не ждал.

— Ну да, отзыв, — невозмутимо пожала плечами я. — О том, как прекрасно вы подменяете свою напарницу. Чтоб вам благодарность объявили. И премию дали.

— Нет, не стоит, — отказался он, так и не решив, издаюсь я над ним или уже наоборот. Но в этот момент я увидела в дверях ЕГО, так что мальчишка-официант в одну секунду просто перестал для меня существовать.

Он стоял еще довольно далеко от меня, у самого входа в кафе, и щурился, словно вошел в темень из яркого света. Был он довольно растерян, но так он выглядел всегда — как ребенок, потерявшийся в супермаркете и не понимающий, куда ему двигаться дальше. Он ждал, чтобы к нему кто-то подошел, направил его, задал вектор его движению. С моего места не было видно, трезв он или напротив. Издалека этого никогда нельзя было разобрать. Для того чтобы понять его кондицию, требовалось подпустить его к себе чуть

ближе. Но независимо от того, трезв или нет мой муж, я вдруг почувствовала сильнейший прилив крови к щекам. Я неритмично, но глубоко вздохнула и вцепилась в салфетку. Страстно захотелось посмотретьсь в зеркало на предмет степени румяности моих щек. Ощущение было такое, что они просто пунцовые, словно их натерли свеклой. А мне сейчас совсем не хотелось выглядеть плохо. Когда угодно, но сейчас мне надо быть самой собой: Маргаритой-красоткой, Маргаритой-вамп, Маргаритой-повелительницей и все такое. Пунцовые щеки в мои планы не входили, и я уже было решилась поднести к лицу зеркальце из косметички, но увидела, что он уже идет ко мне, естественно, в сопровождении распорядителя зала. И... да, он был трезв. Хоть в этом повезло, но это-то и странно. Признайся, как часто ты, моя дорогуша, видела его трезвым в такое время да еще по такому поводу?

— Маргарита? Ты здесь? — Он задал свой традиционно-нелепый вопрос, глядя прямо на меня. Я явно была здесь, я была не выдумкой, не галлюцинацией, но ему требовалось дополнительное подтверждение.

— Да, я здесь, — я усмехнулась и почувствовала, что обретаю хоть какую-то почву под ногами. Из-за чего я дергалась весь день? Передо мной всего лишь он, мой муж Кешка, тот самый, которого я знаю как облупленного, которого изучила за почти десять лет так, что могу листать и с закрытыми глазами цитировать его с любой страницы, строчки или абзаца. Мой Кешка, он,

как наступление холодов, неизбежен и предсказуем. Я относилась к нему тепло, как к осени, у которой, как ни крути, все же случаются хорошие деньки. Он был родным и теплым, правда, я никогда не любила его так, как он любил меня. И он, между прочим, отлично это знал. Но в отношениях один всегда любит, а другой только позволяет себя любить.

— Ты уже что-нибудь заказала? — Он присел на краешек стула напротив меня и стал листать меню, заметно дергаясь. С чего бы? Боится, что я выкину какой-нибудь фортель? Встану и уйду? Скажу, что он все не так понял и я не собираюсь к нему возвращаться? А что, я могу. Я и не такое могу, но не сегодня, не сегодня.

— Только кофе.

— Ты опять не ешь после шести? — улыбнулся он, но взгляд так и остался в меню. — Тебе не кажется, что тогда стоило бы заказать не кофе, а зеленый чай.

— Я не собираюсь сегодня рано ложиться спать, — пробормотала я как бы себе под нос. — Думаю, ты не за этим меня сюда позвал, чтобы ругать за кофе на ночь?

— Не за этим, — кивнул он и посмотрел на меня.

— Ты, кстати, опоздал.

— Правда?

— Да. Ты не заметил?

— Прости, — сконфузился он и потянулся за своими сигаретами. — Можно?

— Почему бы и нет? Только ты такие ведь не куришь.

— Я забыл купить сигарет. Я оставил свои у... ну... оставил, понимаешь? — Он сделал бессмысленный жест рукой и скис.

— Закажи тут, они продают сигареты, — пожала плечами я. — Слушай, о чем мы говорим? О какой-то ерунде. Давай-ка начни заново и скажи что-нибудь другое.

— Что? — заерзал он. Все-таки с ним было что-то не так. И не только потому, что он был совсем, совсем трезвым.

— Что-нибудь важное. Например, что ты рад меня видеть, — предложила я с легкой улыбкой.

— Я... — помолчал он, отводя глаза. Потом с усилием кивнул и посмотрел прямо на меня. — А ты? Ты рада меня видеть?

— Ну... да, — закашлялась я.

— Правда? — удивился он.

— Что странного в том, чтобы обрадоваться встрече с мужем?

— А как же... твоя большая любовь? Она что же, прошла? — спросил он. Спросил без агрессии, осторожно, как сапер, счищающий щеточкой песок с застарелой, но все еще опасной гранаты. Да уж, моя большая любовь. Вернее, большой скандал, с которого все началось в этот раз. Я так устала от бури, швырявшей меня по океану страстей все лето. Меня основательно побило о камни, я явно нуждалась в ремонте. Кешка на роль тихой гавани подходил идеально. Как всегда.

— Давай не будем об этом вспоминать, — попросила я, хватаясь за чашку с кофе. Кофе, кстати, был неплох, только уже остыл.

— Давай, — согласился он, и мы дружно замолчали. Если не говорить об этом, было сложно придумать, о чем тогда вообще говорить. О погоде? Погода была — дерьмо. Нет, другого слова и не подберешь, хоть и август на дворе, но все бродят в куртках, под зонтами, с которых все время течет, словно у всех зонтов ужасный насморк. И лица — злые и не летние, а скорее глубоко осенние. И в бабье лето уже нет сил верить, но не об этом же в самом деле говорить с мужем, которого не видела почти четыре месяца.

— Как ты добрался? Пробок не было? — любезно подбросила тему я.

— Ты знаешь, нет. Пустые дороги, прямо не верится. Таксист даже расстроился, что мы ехали по счетчику. А я ему предлагал сговориться на твердой сумме.

— Когда ты уже получишь права? — поддела его я.

— Наверное, не в этой жизни, — развел он руками. Сколько уж над ним потешались все наши друзья, сколько ни пытались его хоть как-то переубедить — он не сдавался. Стоял, как Китайская стена. Монолит. Общественный транспорт навсегда — и точка. Он спокойно переносил все тяготы подземки и автобусов. Он даже, кажется, любил таксистов. Так было проще. Проще не опаздывать, проще, если ты где-то выпил. Последнее, кстати, я думаю, было самым важным. Если водка ме-

шает работе, брось ее на фиг, работу свою. В его случае вожделение автомашины существенно вредило пьянству. И проще было не водить вообще.

— Может быть, ты возьмешь что-нибудь себе? Ты уже ел что-нибудь? — Я старалась говорить непринужденно, словно не было последних четырех месяцев и моей Большой Любви.

— Я не голоден. Меня покормили, — отказался он, говоря о себе как о каком-то щенке. Его ПОКОРМИЛИ. Кто, интересно? Буфетчица? Секретарша из его офиса? Обычно это делала я, кормила его, встречала пьяного в первом часу ночи, укладывала спать. Жить с ним было и вправду похоже на то, как если бы я завела собаку. Я бы также молчала рядом с ним часами, неделями, годами. Наполняла бы его миску, ругала бы, когда он виноват. Запирала бы одного в квартире, когда мне надо было отлучиться.

— Тогда, может, десерт? — произнесла я просто так, чтобы заполнить паузу. И незаметно посмотрела на него. Он немного изменился за четыре месяца. Не сильно, не до неузнаваемости. Одет чуть лучше, чем обычно, рубашка, а не одна из его вечных бесформенных водолазок. Кажется, новые джинсы. Отлично сидят. Нравится он мне? Пожалуй, да. Лучше, чем могло бы быть. В конце концов, он пришел трезвый, это уже добрый знак.

— Ты что, забыла? Я не люблю сладкого, — удивился он. Я пожала плечами. Да, забыла. Ведь у меня была Большая Любовь, и я забыла все. Я ведь думала, что ин-